

Павел Александрович Попов родился в 1962 году в городе Воронеже. Окончил физический и исторический факультеты Воронежского государственного университета. Кандидат исторических наук. Работал журналистом. Фотохудожник, краевед. Доцент Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Автор более тысячи публикаций, а также многих книг историко-краеведческого содержания. Лауреат региональных литературных и журналистских премий. Член Союза писателей, Союза журналистов России. Живет в Воронеже.

Павел Попов

МОЕ ВОРОНЕЖСКОЕ ДЕТСТВО

(Жизнь через призму давних впечатлений)

6. ФАНТАЗИИ И ПРАВИЛА

И так, запустим нашу Машину Времени и представим школу XXXI века...

Люда-589325478 плескалась в бассейне Дворца детей-15 во время «увлечения по природолюбию». Поцеловала Славика, то есть Вячеслава-919325688, когда он подплыл к ней.

— Так лучше материал запоминается, правда? — улыбнулась Люда.

— Конечно, — до предела расплылся в улыбке Славик-919325688.

— А помнишь, Славик, — спросила Люда, — недавно на увлечении по музейной литературе мы смотрели краткое содержание сказок Носова про Незнайку? Там Незнайка учился похожим образом. В обнимку с Кнопочкой на берегу Огурицовой реки. И книги читали, какие хотели. Это нам было предсказание более тысячи лет назад!

Славик начал было возражать:

— Я читал, что дети всю неделю сидели за какими-то партами в школах, а потом в гимназиях и лицеях, типа тех, что стояли на месте нашего Дворца. А в двадцать первом веке все теряли здоровье за компьютерами. Дети не имели права выйти из школы. Даже

дверь в школу была под охраной и под видеорекамерами! Чтобы не забрели террористы и маньяки.

— Глупенький! — Люда-589325478 хотела поцеловать друга второй раз, но передумала. — Сейчас расскажу, как побывала в 1975 году. Тогда на месте дворца стояла школа № 58. Представь себе, никакой охраны! Ученики входят и выходят, когда хотят. Могут уйти с урока, если он им не нравится. Могут побродить по школе или по улице.

— Да ну?..

...Да, Люда, так и было, хотя одно время пытались ввести в нашей 58-й чуть ли не казарменные порядки.

Жила-была такая директриса — Ираида Кузьмична. В 1974 году она отпечата-ла в типографии брошюрку под названием «Единые правила ученика 58-й школы города Воронежа». И книжечку вручили каждому ученику в наиздание.

На 40-летие школы я подарил «Единые правила» в школьный музей, и там тоненькую брошюрочку положили в шкафчик, под замок, на надежное хранение. Это замечательный образец бюрократического сочинения.

Правила утверждали, что школьники обязаны носить такую-то форму в чистом и глаженном виде. Они входят в школу за столько-то минут до начала уроков. Идут по лестнице и коридору в соответствующем темпе. Если вдруг на их пути появляется учитель, затихнуть, держать тело ровно, повернуть голову в сторону учителя, говорить вежливо и спокойно. Произнести «Здравствуйте» (не «Привет!» и не «How do you do!»). Отвечать на вопросы учителя четко, ясно, громко, уверенно, а когда он ничего не спрашивает, — сидеть спокойно и молча. Со сверстниками общаться тоже вежливо и уважительно. Тетради и учебники содержать в идеальной чистоте и «немятости».

Поскольку поголовно все ученики были октябрятами, пионерами или комсомольцами, им лишний раз напоминали, что они совершат что-то страшное, если не будут учиться хорошо. А уж курение, разумеется, преступление. И так далее, и тому подобное.

Прочитав «Единые правила», я, пятиклассник, сначала заволновался, а потом успокоился. Ведь на деле никто не заставлял ходить в униформе, а в мужских туалетах всегда веяло дымком (то комсомольцы подавали пример пионерам).

Конечно, я не смог бы уложиться в регламент. Ведь в школьную или классную дверь (смотря на каком этаже был класс) привык вбегать одновременно с гремящим звонком на урок! Это не считалось опозданием.

Ираида Кузьминична временами занимала позицию у школьных дверей перед началом смены. Следила: кто входит после звонка. Сначала директриса спрашивала у опоздавшего: «Из какого класса? Как фамилия?» Потом прекратила короткие допросы и только констатировала: «Бессовестный или бессовестная...» А впоследствии и вовсе забросила свои бдения. Может быть, со временем она поняла, что ее брошюрка годится только для музея будущего века. Как деталь отставшей от времени «машины времени».

В реальности в добрые семидесятые годы наши школы все больше и больше отходили от строгостей 1950-х или 1960-х годов.

Кто дежурил при входе в школу, когда там не стояла Ираида? Да никто. Когда недавно вновь заострили вопрос об охране школ, кто-то утверждал, будто раньше этим занимались старушки-технички. Ничего подобного. Это вы, наверное, фильма «Большая перемена» насмотрелись, где бабушка оплошала и не вовремя дала звонок. Никаких бабулек при входе также не было.

Постойте, а кто же давал звонок на урок? Звонарей в штатном расписании школы никогда не было. Одно время это делали технические сотрудницы. Но возле

звонка они не сидели, а выходили к кнопке по расписанию. Другое время звонили мы сами, ученики. Так было и в нашем беспокойном переходном возрасте, в шестом — восьмом классах. Дежурили по двое или трое, мальчики и девочки вместе, нас отпускали с уроков на весь день. Мы сидели на лавочке возле звонка. Рядом стоял столик, за которым можно было играть в морской бой или учить домашние задания. От входного вестибюля нас отделяла застекленная дверь. Было видно всех, кто входил в школу, но мы на них почти не обращали внимания. Если это школьник, то он несся мимо нас сразу в подвал, в раздевалку. И любой другой человек мог попасть в школу совершенно незамеченным (хотя бы через подвал).

Нам доверяли больше, чем техникам. Мы ждали нужного момента, постоянно поглядывая на минутную, а затем и на секундную стрелку. Ошибка тут исключалась категорически. Да нас не директриса с завучем закроют, а свои: мол, вы в своем уме — задержали урок почти на полминуты, сократили долгожданную перемену?!

В этом бурном возрасте считалось дурным тоном совсем не прогуливать уроки. Особенно, если предмет или учитель занудные. Нельзя только было наглеть — уходить с уроков часто. Тогда и учитель никогда не проверял, уважительная ли причина? Не требовал отрабатывать урок. Если только ты ушел не с контрольной или лабораторной.

А куда, собственно, уйти, если урок — не последний? Если требуется скрыться только на 45 минут?

В теплое время года — напрямик на улицу. Можно посидеть на лавочке на бульваре улицы Карла Маркса. Можно даже успеть прогуляться по самым интересным местам — по всему проспекту Революции туда и обратно. И при входе в школу тебя никто не спросит, где был. То и дело кто-то уходил, кто-то возвращался — обычное дело.

В солнечный теплый апрельский, да еще субботний, день 1975 года мы, сразу десять или одиннадцать мальчиков, смылись с контрольной по геометрии. А заодно и со следующих уроков — пения и русского. Чтобы замести все следы. Я уже писал, что получили по зубам от чижовских разбойников. Но в целом-то день выдался позитивный. Мы спустились к водохранилищу за университетом, по историческим обрывам старого города. Тогда берег был очень романтичен — после заполнения «моря» и сноса ближних домов. Это сейчас там красуются богатые коттеджи, а ниже, по набережной, гремит автотрасса. А тогда территория состояла из полузатопленных руин одноэтажных домов. Из-под обрывов, среди развалин, в «море» стекали ручейками родники. Меж ручейков оставались лужайки с сочной травкой и веселыми лягушками. Кто-то стал загорать. Гера Бокк разулся, бродил по воде, ловил лягушек и дрессировал их — хватал за лапы и заставлял кувыркаться...

А если холодно — мы находили отличные места на других этажах школы. Укромно в тихих боковых крыльях здания на четвертом этаже, возле кабинетов химии или НВП. Ставишь портфель или модный «дипломат» на подоконник — и делаешь, что хочешь. А если тебя увидит у окна другой учитель, ответишь: «Я освобожден от физкультуры». Вообще-то настоящим освобожденным полагалось сидеть в спортзале. Но они тоже гуляли по школе или по городу...

После Василия Александровича нам дали в классные руководители биологичку Галину Алексеевну Остапенко. Она была совсем простой женщиной. Без мажорничанья и позы. Хвалилась тем, что в свое время родила двух сыновей, не зная, что у нее четвертая группа крови и отрицательный резус. Самый опасный случай. В наше время таких женщин предупреждают, что они вряд ли смогут иметь детей. А во времена Галины о группах и резусах не думали. Необычная иллюстрация к Галининым урокам анатомии.

Галина была влюблена в свой предмет, считала его лучшим из лучших. Однако оказалась не слишком опытной в классном руководстве. И если раньше мы испугались Васю, то Галина, похоже, испугалась нас, семиклассников. До слез. И ее, без сомнения, напугала Ираида, вручив проблемный, как показалось Галине, класс «В». Подумать только, какого мужчину, ветерана и педагога-артиста, выжили «вэшники»! И поначалу Галина кидалась в строгости-крайности. Я не заполнил дневник? Влепила мне запись: «Ведение дневника — 2». Не пришел на классный час? Внесла в дневник слишком смелый вывод: «Не принимает участия в школьной жизни» (а мое každодневное учение — разве не «участие»?). Что же тогда говорить о тех, кто получил двойки? Или о тех, кто подразнил больного мальчишка? Всем трагедиям — трагедии.

А ведь на самом-то деле класс был совершенно нормальный и приличный, если сравнивать его с классами других школ. Ни одного отпетого неуча, и двоек мало. Ни одного хулигана.

Тем не менее, Галина мучилась с нами, надо признать, в наши главные переломные тринадцать — пятнадцать лет. К тому же, в восьмом классе число учеников достигло сорока! Столы и стулья заполнялись под завязку. В некоторых кабинетах кому-то приходилось садиться по трое за столом. Любому учителю трудно вести урок с такой оравой

Галина безуспешно пыталась улучшить дисциплину, пересаживая нас с одной парты за другую, разрывая друзей. Меньше дружишь — меньше балуешься. Вообще тема пересаживаний проходит какой-то красной нитью через всю нашу школьную историю. Из моих записей «с природы» в седьмом классе:

«3/IV — 76 г., суббота. Опять пересадили. В третьем ряду рассаживали Буркова, который сидел с Власовым, и Баранову пытались пересадить от Гладневой. Бурков и Власов пересели на второй ряд только при Г.А. на зоологии, а потом вернулись на старые места. Во время пересаживания Беляева опять отказалась сидеть с Кравченко и сама сказала, что будет с Шевелюхиным. Когда Гладневу с Барановой пересадили к Буркову, Беляева сказала: «Компания еще лучше». Гладнева говорила про нее: «Это она должна сидеть с Бурковым» и смеялась.

5/IV — 76 г., понедельник. Все сели на прежние места. Затея Г.А. не удалась».

Я не зря упомянул про слезы классной руководительницы. Вот еще одна запись. Уже близится к концу учебный год, проведенный с Галиной в седьмом классе. Казалось бы, страсти должны поутихнуть. А они опять разгораются.

«8/IV — 76 г., четверг. Во время последних уроков было родительское собрание в 7 кабинете. 1) Г.А. плакала перед родителями из-за того, что наш класс не убрал участок во дворе. 2) Она говорила, что каждый ученик обязан сдать 30 кг макулатуры, иначе мы опять можем оказаться в числе отстающих, и ей достанется. 3) Что надо сдавать членские взносы. После собрания играли в футбол в подвале школы, в коридоре. Я ухитрился забить гол.

9/IV — 76 г., пятница. Был классный час. Мы отчитывались перед Галиной, что должны сделать и что сделал».

На родительские собрания всегда ходила моя мама. Ее избирали то в члены, то в председательницы родительского комитета. Ей позволяла ходить в школу ее преподавательская работа в университете, со свободным режимом вне занятий. Отец, занятый на заводе, такой возможности никогда не имел. Разумеется, о событиях на собрании записано со слов мамы.

За нашим классом закрепили самый плохой участок двора: неасфальтированную полосу земли между спортплощадкой и тротуаром улицы Фридриха Энгельса, вдоль низкой бетонной школьной оградки. Убирать землю было очень неудоб-

но из-за кочек и корней пирамидальных тополей. Однако там всегда было много мусора, который несло с тротуара. Прохожие кидали туда окурки. Весь город обычно очищали, когда сходил снег: в апреле, во время Ленинского субботника. Но школьная директриса потребовала навести порядок раньше. Галина дала задание не всему классу, а нескольким мальчишкам. Сама с ними не пошла. И они не захотели без нее возиться в грязи и окурках. Результат: взрослой женщине зачем-то пришлось плакаться родителям...

А где же в нашем дворе были такие зеленые уголки, в которых учителя биологии разводили бы цветы и другие интересные растения совместно с учениками?! Их совсем не было...

Говорили, что наш класс не дружный. Я и сам так считаю. Не дружили целым классом — как бывало, по рассказам отца и матери, в пятидесятые годы. Но разве учителя и классный руководитель старались развивать эту дружбу? Насильно разлучали даже друзей по парте.

Василий Александрович один раз сводил нас в краеведческий музей и однажды покатал на речном пароходике. Галина Алексеевна в начале седьмого класса устроила прогулку в Центральный парк культуры и отдыха и на этом совершенно перегорела. Больше мы — никуда. И праздников не вспомнить. Лишь дискотеку на Восьмое марта Галина разрешила в стенах ее седьмого кабинета. И то вышел казус: в «принужденной» обстановке почти никто танцевать не стал. А ведь Галине ничто не мешало так, как сегодня мешает любому учителю все — тысяча запретов, тысяча ответственностей за каждый шаг с учеником вне школы. Знаю, что пишу, ибо ныне в школе работает моя жена. Она даже нос боится высунуть из школы, если с нею носы ее подопечных.

Мои школьные записки свидетельствуют, что классные часы часто превращались в разборки с учениками. Впоследствии Галина добавила политинформации.

Пионерский наш отряд

Слава богу, мой папа выписывал журналы типа «Партийная жизнь», и я уверенно зачитывал оттуда цитаты на классных часах.

Впрочем, политика занимала малюсенькую частицу нашего школьного быта. Не мешала и даже интересовала. Никто из нас не высмеивал ее. Именно в седьмом классе политика сверкнула для нас в новом свете. Нас принимали в комсомол!

В некоторых школах в комсомольцы отправляли формально. Не мучили 14-летних. Зато в 58-й еще как мучили! Заставляли зубрить устав ВЛКСМ — цели, задачи и прочее, и прочее. Мы должны были знать решения всех съездов комсомола и все нужные ленинские высказывания. Требовалось без запинки пояснять, отчего комсомол получил шесть орденов. (Кстати, больше он так и не получит.)

Нам грозили, что все это будут спрашивать в райкоме. Оказалось, что страшили не напрасно!

В Центральном райкоме ВЛКСМ на Никитинской, 8 — в том самом красивом красном здании, что смотрело в окна квартиры моего детства — нас ждал настоящий экзамен в кабинете первого секретаря Попова! Как войдешь в здание — налево на первый этаж и еще раз налево. И допрашивал лично Попов.

Саша Гурьев, видать, не верил в такой подвох: что у него могут спросить о его личных планах. А Попов возьми да и спроси — прямо в лоб Гурьеву:

— Скажите прямо, зачем Вы лично вступаете в комсомол?!

Саша опешил и от волнения проглотил язык. Попов покачал головой. И когда подошел момент голосования, то сначала не захотел голосовать за Гурьева! Более мягкие секретари уговорили первого, он пожалел Сашу.

Мы были по-настоящему горды. Это вам не детская игра в пионеров. Наконец-то пригодилась таланты Наташи Рычковой, о которых я знал с раннего детства. Мы избрали ее комсоргом, а она принялась раздавать нам какие-то поручения. И собирала членские взносы — по две копейки в месяц. Это вам не детские фантазии про «Само-ездо», который мы даже в уме строили безо всяких денег.

Наташа от всей комсомольской души писала всем нашим матерям поздравительные открытки к 8 Марта. Это вам не телефонные «весточки» от Галины. Та названивала мамам по домашним телефонам и дважды предупреждала о грядущем родительском собрании. Один раз сообщала, в какой день будет собрание на следующей неделе. Во второй раз говорила точный час.

Помню, как в начале года полностью просмотрел и прослушал по телевизору доклад Брежнева на XXV съезде КПСС. Я уже ждал комсомольский значок и считал, что скоро буду реально участвовать в жизни страны (мало ли, что Галина сочинила мне про «жизнь школы»). Дедушка Леонид Ильич говорил не бодро. Про него слагали анекдоты. Похоже, именно ему пожелал Высоцкий: «Смажь колеса Времени / Не для первой премии...» (из аудио-сказки «Алиса в стране чудес»). Тем не менее, в докладе Брежнева звучали не только общие слова. Он детально перечислял нерешенные проблемы. Мне понравилось, как он навел критику в адрес некоторых министров.

Поэтому мы все поголовно были уверены, что нас ждет только светлое будущее, что жизнь улучшается и улучшается. Спасибо школе за этот оптимизм.

Нынче кто-то костерит якобы тоталитарную систему, которая и в школе не давала свободно жить. А я бы сказал по-другому. Пусть нам по привычке вдалбливали в головы политические догмы — уставы, цитаты, девизы. Зато в нашей повседневности, как никогда ранее, были большие свободы. И эти свободы были основаны, если хотите, на гуманности, на доверии друг к другу. Да, мы не ходили дружным строем на совместные мероприятия, как это делали наши предки. Но мы шли в школу с легким сердцем, мы очень радовались просто оттого, что встре-

чали и видели друг друга. И оттого, что вместе баловались. Это словно необходимый фон для учебы и для постепенного взросления.

И мы по-доброму, с юмором принимали замечания за не подобранные нами окурки или за непосещенные классные часы. Помните: время было доброе.

К восьмому классу Галина, наконец, поймет, что никаких особых проблем нет ни у нее, ни у нас, и малость успокоится. Впрочем, руководительница не перестанет постоянно руководить и руководить. Она часто делала это невпопад и многих обижала. Но мы после ее слез еще больше уверились, что она безвредна.

Со вступлением в комсомол совпало модное и повальное увлечение — плевание пшеном из трубочек! Оно хлеще всех наших былых тотальных забав. Оно несравнимо с безобидным швырянием бумажками до появления трубочек.

Не было мальчика-школьника, который не отламывал (отпиливал, отрезал) с конца шариковую ручку, превращая ее в трубочку, и не обстреливал из нее всех подряд на переменах и во время уроков. На уроке улучшали моменты, когда учитель отворачивался или заглядывался журналом. Стрелялись и некоторые девочки — те, что были на короткой ноге с мальчиками. Естественно, стреляли в ответ, по мальчикам. Если девочка тихая и трубочки не имеет — что ж, повозмущается, стряхнет пшено с волос и успокоится. А нетихая как плевнет тебе в упор в башку — мало не покажется!

Учителя быстро поняли, что полностью искоренить трубочки невозможно, — настолько великой выдалась эпидемия (настоящая пандемия). Только следили, чтобы стрелялись не у них на глазах и чтобы не в них самих. И еще для них великая проблема: как быть с замусоренным полом. Замечали, кто стрелял больше и наглее, его и заставляли убирать пол...

Надо же такому случиться, что как раз в это кипучее время к нам пришла молоденькая учительница истории — Наталья. Только-только окончила университет — и в наши седьмые классы. Это был неосмотрительный шаг и ее, и директрисы Ираиды!

Наивная новенькая пыталась что-то рассказать нам про средние века. Однако ее чуть не сжили со свету. Ведь дисциплина на уроках держалась только на запретах. У Натальи бесновались, вставали с мест и бросались, орали что хотели. Новенькая садилась за стол и закрывала голову руками, выбегала из класса. Каждый что-то вытворял, проверяя ее реакцию, а точнее, последние нервы.

Однажды Наталья пришла на урок со строгим лицом. Не ожидая подвоха, мы стали привычно шуметь. И вдруг училка заявила тому, кто крикнул громче всех: — Выйди из класса!

Тот был не против. Собрал вещи и вышел. Такая же история повторилась со следующим хулиганом. Значит, вместо урока можно запросто погулять?

Мы с Олегом Яхонтовым договорились: сначала выхожу я, затем он.

Громко затопал ногами. Наталья моментально среагировала:

— Выйди за дверь!

Выхожу и попадаю... прямо в лапы Галины, которая стоит у двери и следит в замочную скважину. И затем дает нагоняй каждому выходящему. Знать, о таком плане воздействия договорились все: Ираида, Галина, Наталья. Яхонтов выскочил из двери, когда Галина еще не закончила внушение мне: «Не ожидала, что даже ты...»

При всем том учителя нам бесконечно доверяли. Учитель традиционно посылал за журналом в учительскую кого-нибудь из учеников, чтобы сэкономить свое время. Часто вызывался сбежать желающий.

Или учитель оставлял класс во время урока, уходя в учительскую по другим делам.

Так у нас в шестом или седьмом классе повелась игра на уроках английского —

«английская разведка», как мы ее прозвали! У Лилии Федоровны почему-то появилась любимая привычка — уходить с урока в учительскую минут на десять. И вот мы выставляем посты — несколько человек по одному или по двое — по всему пути училки на двух этажах. Кто-то стоит и смотрит за угол, кто-то на лестницу. Самый смелый занимает пост вблизи учительской и, как только Лилия сделает шаг к выходу, — бегом вверх по лестнице, стараясь бежать неслышно! Одновременно дает сигнал тому, кто вверху. От него сигналы идут по цепочке. И никто нас не застукал ни разу.

Я уже писал, что нам доверяли звонки.

Доверяли настезь открывать окна на всех этажах (никаких решеток на них не было) и можно было сидеть на подоконниках, как на краю «обрыва».

Позволяли играть в футбол в подвале. Да мы и не спрашивали.

Собственно, доверяли все. Любое дорогое оборудование по химии, физике, труду.

Раздевалку в подвале не запирали. Туда, как и на звонки, назначали дежурных из учеников. Но каждый школьник сам вешал пальто. В карман соседа никто ни разу не заглянул. Даже в мыслях не допускали, что кто-то это может сделать. Да и не было в карманах ничего интересного. Везде лежало одно и то же. Вот какое было время.

В девятом классе доверие привело к тому, что некоторые ученики сами себе ставили оценки в классный журнал. Пользовались доступом к журналу на его пути из учительской или в учительскую. И меня Юра Власов однажды подбил на то, чтобы нарисовать оценки по истории. Вот какой был Юра тайный закоперщик и борец за справедливость, начиная с детского сада. Но и я с ним участвовал в заговорах на равных. Разве это не справедливость — поправить странного учителя, который ставит тобою заработанные пятерки другим ученикам, а тебе по ошибке — чужие оценки? Был у нас такой историк. Друг с Юрой очень рисковали. Однако наш фокус с журналом полностью удался. Зря ли я показывал фокусы на днях рождения? Зря ли меня учили писать, как пишет учитель, с первого класса?

И вот почерком нашего историка мы ставим хорошие оценки и себе, и другим ученикам, в том числе троечникам. Трудно понять, где учительские оценки, а где наши. И никому не понять, кто же так поработал. На меня, приличного, не подумать. А историку... как же признаться, что тебя провели. Урок за уроком открывает он журнал и добродушно ворчит:

— Понаставили тут себе всяких оценок... Смотрите у меня...

А потом и вовсе наш журнал сожгли! Это сотворили те, кто нахватал двоек. Поджигали в мужском туалете. Поджигателей вычислили. Они показали пепел, засунутый за батарею 20-го кабинета. Я, слава богу, даже не присутствовал.

Поинтересуйтесь у современных школьников: что с ними сделают за такое деяние? Да и к чему деяние, если все оценки продублированы в электронном виде?

В наши годы ни Галина Алексеевна, ни завуч не захотели скандала. Они тихо завели новый журнал...

А может, так велел новый директор Федоткин, который пришел в школу после смерти Ираиды. Относительно молодой мужчина пытался надувать пышные губы, но все понял, что на самом деле он человек простодушный.

Федоткин (имя не помню) пустил в школу еще больше вольностей. Точнее, он не сопротивлялся их прилету через все открытые форточки, не бился головой о стенку времени, в которой все ходы назад муровал вчерашний день.

Появились общешкольные праздничные дискотеки — вместо когдатошних политизированных маскарадов. А младшие классы стояли на головах на переменах. Младшие явно выглядели более подвижными и крикливыми. Евгения Тихоновна жаловалась, что их уже не удержать, как нас. И все говорили: дескать, таково новое поколение. Никуда не деться.

А если серьезно о знаниях...

Действительно, пора хоть немного поговорить о том, каким багажом знаний, надобным или напрасным, нас нагрузили и загрузили в школе на исходе детства.

Сейчас будут страшные сны! Они почему-то прекратились только в последние годы, когда я стал писать воспоминания о школе. Отпугнул сны?

Но лет до пятидесяти кошмар регулярно повторялся всегда, когда наступала пора сниться кошмарам.

Мне задали много математических задач: уравнения с поисками неизвестных, с вычислениями производных и так далее. И все это я не успеваю решить до конца урока. Вот уже остается пятнадцать минут до звонка, вот десять, вот пять, ни одной... В ужасе просыпаюсь — пока еще наполовину. Судорожно вспоминаю, что вроде бы уже окончил школу; появляется надежда, что лежу, наверное, не в девятнадцатом кабинете... Наконец, сон полностью слетает. Обнаруживаю, что за плечами — не только среднее образование, но и два высших. Какое облегчение!

Вы думаете, я один такой? Нет, мои сверстники рассказывают: кто-то во сне сидит за тетрадкой, кто-то стоит возле доски, а кто-то оправдывается перед учителем...

Это, конечно, результат того, что в школе нас буквально замучили математикой!! Не переставали мучить даже в те годы, когда молодые человеческие организмы испытывали решающий рост.

Кто-то решил, что мы должны стать не великими, а величайшими математиками. В расписании математика, а затем алгебра с геометрией всегда преобладали. Они подавляли и оттесняли все другие предметы. А бесконечные самостоятельные работы, которые требовалось решить в течение пятнадцати минут, валились как снег на голову с четвертого по десятый класс. И все эти годы математику бесценно вела одна и та же учительница — добрая, строгая, бесконечно ответственная и крайне справедливая Александра Николаевна Федорова. По количеству данных нам уроков она далеко-далеко переплюнула всех своих коллег и успела состариться, пока мы росли.

Алгебра была единственным уроком, во время которого приходилось напряженно, в оба уха, слушать учительницу. И следить за каждой ее цифрой, начертанной на доске, в оба глаза. Ибо за пятнадцать минут до конца урока Александра могла привычно кашлянуть (наверно, у нее было что-то хроническое с бронхами) и внезапно заявить бесстрастным голосом, каким диктовали остановки в автобусе:

— Самостоятельная работа!

И начиналась та явь, которая позже превратится в сны. Работа состояла из трех-четырёх заданий. Поэтому уложиться в пятнадцать минут могли исключительно отличники и хорошисты. Передо мной всегда стоял выбор, как заработать свою четверку. Либо ты решаешь в быстром темпе и, конечно, где-нибудь ошибешься, либо решаешь не спеша, обстоятельно — и тогда тебе не хватит одной-двух минут, чтобы закончить последнее уравнение...

Совсем уж святой была для Александры контрольная работа. В ней заданий еще больше — пять или шесть, да более сложные. Правда, ее писали весь урок, и о ней математичка объявляла заранее.

— Завтра будет контрольная! — голос звучал уже таким тоном, каким готовились к нападению троллейбусные и трамвайные контролеры: «Предъявите ваши билеты!».

Из моего «дневника»:

«21/IV — 75 г., понедельник. На алгебре А.Н. злобствовала насчет того, что в субботу с контрольной по геометрии ушла треть класса. Она у каждого спросила, почему он не был, и каждому записала в дневник: «Не был на уроке

геометрии» (чего раньше не случалось). Тут же засадила всех, кто не был, решать эту контрольную. Объявила оценки тех, кто не убежал: много двоек и троек».

Да, математика поглотила всю ее жизнь, не только нашу! Александра сама беспрерывно плавала в ней — как всю жизнь проводит в воде рыба.

Учительница жила недалеко от меня, на той улице, куда я переехал в 1975 году. Ее муж работал простым слесарем-сантехником, чинил краны по окрестным домам. И к нам приходил. Конечно, она не посвящала его в тонкости наших контрольных работ. Тем временем у нее дома постоянно лежали стопками тетради нескольких классов. Ведь у нас было два комплекта тетрадей. Александра проверяла по ночам. Приходила утром с мешками под глазами, привычным жестом кладела на стол, вплотную к журналу, огромную коричневую сумку с оценками.

Однако домашние задания Александры я любил делать больше всех других уроков! Пример или уравнение — будто игра с самим собой. Найди отгадку путем вычислений. Всегда начинал с алгебры и геометрии и делал их быстрее, чем другие предметы. Там не надо ни долго читать, ни учить-запоминать.

После восьмого класса я не стал поступать в математический класс нашей школы. В девятом и десятом остался в своем простом и привычном «В». И ничуть не пожалел. Все, что требовалось для поступления в вуз, мы прекрасно прошли с Александрой.

Кто-то считает, что многочлены полезно было многочленивать для общего развития. Извините! Они абсолютно не полезны, если ты знаешь, что одновременно с алгеброй еле-еле успеешь разгрызть к завтрашнему дню задания по физике и химии, если историю прочитаешь-проглядишь кое-как и... совсем не успеешь заняться чтением «Войны и мира» и «Поднятой целины». И пусть тебе скажут плохие слова на литературе! Потому что ты выбираешь: проветриться на улице хотя бы один час в день. А точнее, я выбирался вечерами, чтобы совершить прогулку по привычному с детства кругу — через улицу Карла Маркса, проспект Революции, улицу Комиссаржевской. Двадцать минут, а не час. Чтобы прийти к вечернему фильму на пятом канале телевизора (21.30) и лечь в кровать в одиннадцать вечера.

В дебри школьной литературы с трудом переносит даже машина времени...

Согласен, что нужно начинать изучать классиков в этом возрасте. Вопреки тому, что сами классики многое писали для других возрастов. Ни в чем нельзя забывать музейные раритеты. Поучения о том, как Тарас Бульба убил своего сына или как генералы нашли мужика на необитаемом острове — раритеты не менее ценные, чем гусиные перья, казачьи шашки, крестьянские лапти и кухонные горшки — все, что предметно погружает нас в литературный и жизненный мир давно-давно минувших дней.

Но почему же на уроках литературы не было всего того, чем мы зачитывались дома? Историй Крапивина, Алексина, Третьякова — о том, как не в проклятом прошлом, а в реальном настоящем надо жить и дружить мальчишкам и девчонкам, как им лучше воевать и ссориться, как устраивать себе потрясающие приключения в родном шумном дворе? И как все это пригодится во взрослой жизни?

Почему не проник к нам с первых классов непревзойденный советский Незнайка, с его солнечными и залунными городами, которые гениально отправляют детей сразу во все измерения? Чтобы научить, как вести себя в любом настоящем и будущем?

Жаль, что многие мои ровесники помнят Незнайку только по коротенькому мультфильму: как закоренелый неуч, вовсе не герой, не умел ни петь, ни рисовать, ни машиной управлять. Значит, попади он в школу, наступал бы ему настоящий учитель в лучшем случае по парте!

Когда учителя нет в классе

Стоит ли удивляться, что уже через два десятилетия Время отнесло всех нас — и детей, и взрослых — сразу... к идеалам XIX века, к его героям?

Однако нам повезло (в который раз!) в десятом классе. За наше литературное образование взялась Галина Епифановна Филиппова. Учительница разносторонняя. До литературы она вела у нас рисование. И еще тогда мы заметили, что от учительницы исходила неподдельная любовь к каждому ученику. И каждого она располагала к себе. Я не могу сказать столь теплых слов ни про одного другого учителя, ниспосланного нам 58-й школой.

Именно поэтому ее слушали больше всех. Меньше играли в морской бой. Вот оно — простое и настоящее педагогическое средство. Ни Васин артистический шепот, ни Зинаидины строгости.

Галина Епифановна почти никого и ни за что не ругала. Понимающе относились к тем, кто не успевал вовремя справиться с очередным супер-ретро-романом «Поднятая целина». Рассказывала сама, выбирая главное и доходчивое. Позволяла иметь собственное, не учебниковое, мнение.

Галина Епифановна ухитрилась интересно рассказать про брежневские мемуары — про «Малую землю», «Целину» и «Возрождение». Именно тогда, в «застойное» время, их навязали школе. В 1980 году Брежнев умудрится получить очередную Ленинскую премию — именно за эту «трилогию».

Но уже в 1979-м наш классный балагур Антон Бурков рассказал политический анекдот перед уроком литературы: «Слушайте. Книжки Брежнева по-китайски. «Мало земли». «Цели не те». «Возражение!»

Напомню, что в те годы СССР критиковал Китай за стремление к «гегемонии».

А Галина Епифановна... напрочь ушла от политики. Какая разница, кто и за чем сочинил и издал эти книжки? Для «первой премии» или не для «первой»? «Смазал» ли он «колеса Времени» или нет? Мудрая учительница выбрала фразы про то, как жили и выжили простые люди, как ужасна война и сильна природа, как важны человеческие отношения всегда и во всем.

Теперь хорошо известно, что Леонид Ильич писал эти работы не один, а с группой литераторов. Но знаете ли вы, что авторство всех абзацев и предложений до

сих пор в точности не установлено? Порой авторы скрывали авторство всю жизнь. И в интернете нет и не может быть исчерпывающих сведений.

Наш замечательный земляк Василий Песков — журналист со знаниями учено-го-биолога — раскрыл некоторые секреты лишь своим сестрам да самым близким друзьям. А те проговорились лишь после смерти Пескова. И теперь я точно знаю, что Галина Епифановна невольно зачитывала нам фразы Василия Михайловича!

«Будет хлеб — будет и песня...» — первая фраза из книги «Целина».

«Трава уже успела прорасти сквозь железо и щель...» — так начинается «Возрождение». Или: «Как раз выглянуло солнце, заиграло в окнах...» — внезапная, словно инородная, фраза из той же книги, где подавляющая часть текста представляет собой длинные рассуждения на тему партийных задач и производственных подвигов. Словесные дебри не поддавались обработке до литературного совершенства. Но в них удалось добавить просветы из читаемых предложений.

Дело в том, что Василий Песков был великим мастером легкого стиля. Он легко читается, но дается автору тягчайше, путем многократного переписывания фраз. Получилось, что Галина Епифановна учила нас, что такое хороший стиль. Прочтя «брежневское» предложение, она спрашивала у нас:

— Чувствуете, как просто и красиво написано?

Под конец года у нас были репетиции к экзаменационному сочинению. И именно Галина Епифановна вселила в меня большую уверенность: что я все смогу. Поэтому могу считать ее своим вторым — после Носова! — учителем того, как надо писать...

Когда в 1997 году подошла пора записывать в школу моего сына Сашу, выяснилось, что дом, где мы жили, не прикреплен ни к одной школе Воронежа. Тогда бардак встречался повсюду. В прежние годы этот дом относился как раз к моей бывшей 58-й школе. Но в районном отделе образования мне сказали, что... моя школа возомнила себя гимназией при ВГУ, а «простых» детей не берет. Тогда решение подсказала сама жизнь. Ближайшей к дому школой вообще-то была 66-я — даже проезжую часть улицы пересекать не требовалось. И оказалось, что туда перешла работать Галина Епифановна — завучем. Я, радостный, пришел к ней. И она тоже была рада меня видеть искренне. И радовалась, что записала моего сына.

Очень жаль, что ее жизнь оборвалась преждевременно. Рассказывали, что однажды она почему-то не пришла на работу. Кто-то добежал до ее квартиры: она одиноко жила в доме около школы. Но дверь никто не открыл. Говорили, будто на следующий день взломали квартиру и якобы увидели завуча мертвой в ванне. К несчастью, в большом довоенном доме ванны ставили после войны в прихожих — больше места не было. И людей действительно находили людей в ваннах — не однажды...

Снова сработала Машина Времени... Люда-589325478 и Славик-919325688 много отдыхали, купались и загорали, а заодно постигали науки, рекомендованные им учителями. Из пригородного леса вернулись в благоухающий зеленый двор Дворца детей-15. Добирались на автомобиле долго — минут пятнадцать. Люда не любила ни быстрой езды, ни быстрого лета. Да и к чему спешить, если можно насладиться видами города, с его красочными башнями и высоким разноцветным разнотравьем дворов — от окраин до центра города?

Уже к двадцать девятому столетию люди осознали, насколько зряшным было то, что бесконечно много лет называли «благоустройством». И в городе, и на даче люди напрасно искореняли исконную растительность (многие цветы даже считали «сорняками»). В сквериках насаждали чуждые заморские растения. Даже выкладывали плитками дорожки. Непомерно разраставшимся горо-

дам и тут и там «мешали» высокие деревья. В древности все это привело к потрясающему изменению климата, к засухам, к нехватке питьевой воды...

Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Во время Великого запустения, после третьего капитализма, оказались заброшенными последние крупные заводы. Долго не прикасалась рука человека и к руинам небоскребов, которые неудачно и непрочно поставили неразумные предки. И природа взяла свое! На территории Воронежа сами собой выросли многие травы-цветы, которые, как считалось, давно вымерли. И новые люди считали своим долгом не топтать ни в каком дворе ромашки, колокольчики, гвоздики, фиалки, васильки, вероники, смолки, мыльнянки, льнянки, донники, яснотки, подмаренники, дремлики, змееголовники, рябчики, венечники, прозанники, шлемники...

Если в далеком XXI веке под страхом крупных штрафов запретили прикасаться даже к подснежникам и василькам и занесли их в так называемую Красную книгу, то нынче каждый имел право рвать любые цветы целыми охапками. Да только зачем рвать, если нежные цветы окружали каждый дом и каждого человека?

И что же тогда говорить о богатстве двора Дворца детей? Люда со Славиком возвратились сюда, оттого что не успели найти и сфотографировать все нужные цветы в лесу.

— Люда, а слабо сказать, что было на месте нашего двора в твоём любимом 1975 году?

— И не слабо. Я успела глянуть. Кошмар! Какие-то жалкие кустики и больше ничего. Бедные, бедные дети! Ну, ладно, хватит о плохом... — Люда уже в который раз поцеловала Славика...

7. РАССКАЖУ ПРО МАШИНЫ!

Живее всех неживых

Если кто-то думал, что я в детстве фотографировал только старые и новые дома, то он, конечно, ошибался. Среди главных объектов моих самых первых съемок были автомобили.

Я до сих пор жалею, что не снял много грузовиков, ЗИЛов и ГАЗов разных моделей, когда мне было 10–11 лет. Внешность грузовых машин по-особенному отражает дух своей эпохи. Впрочем, и у легковых было колоритное обличье. И что-то другое было. Недаром люди часто сравнивают машины с живыми существами и говорят «ушастый», «горбатый» и прочее, и подобное. И я с детства всегда находил в формах машин лица с глазами и ртами, потом уши... Это вам не кирпичные или деревянные безжизненные отражения человеческих жизней — не дома с неморгающими ресницами-наличниками! Именно машины-автомобили веками заводят людей на мысли о Машинах Времени.

Когда машин было мало, они казались добрыми родственниками человека, а не коварными врагами, которые скоро вытеснят из города настоящих живых обитателей.

На моих детских снимках центральные улицы Воронежа кажутся невероятно пустыми. Одна машина стоит у обочины (чаще государственная, а не личная) — и все. Конечно, на проспекте Революции за одну минуту мелькало больше автомобилей, чем в каком-нибудь Симферополе (представляете, я сам считал, будучи в Крыму на каникулах). Но даже в 1977 году надо было подождать у перекрестка, когда на зеленый свет тронутся несколько машин, чтобы собрать их в кадре. А по улице Фридриха Энгельса — пожалуйста — едет только одинокий «Москвич», несмотря на разгар дня. Вот почему в начале 1970-х прямо на тротуарах улиц еще росло множество шампиньонов! Грибы не боялись малого количества выхлопных

газов. Они вылезали не только на свободных клочках земли под тополями и каштанами. Грибницы разрастались под асфальтом, вспучивали его всходами шляпок. Мы, дети, ходили по улице Фридриха Энгельса и собирали по десятку шампиньонов за одну прогулку. Родители жарили грибы, и никто даже не думал, что может дать ребенку «отраву».

Легковых машин немного прибавлялось в выходные дни, особенно в воскресенье — с точностью до наоборот в сравнении с сегодняшним днем. Но к ночи они исчезали не только с улиц, но и со дворов: горожане дрожали над ними, обязательно загоняли их в гаражи, боясь угонщиков, хулиганов и просто дворовых ребят, которые могли, скажем, воткнуть гвоздь в шину ради эксперимента: выдет ли воздух? Людям трудно было представить, как можно оставить машину на ночь просто во дворе, под небом. Днем дворцы запирали простыми ключами, никаких противоугонных пищалок не было. Да и все дворы были распахнуты настежь всему городу. Но если мальчик подойдет и сфотографирует чью-то машину, обитатели двора только по-доброму улыбнутся.

Вот и приходилось долго ловить в кадр какой-нибудь «Москвич», горбатый «Запорожец» или непонятную черную машину (теперь понятно — «BMW»), словно воскресшую из фильмов про времена штирлицев. Было жаль предков, по чьим улицам ездили такие уродцы.

В 1970 году сошли с заводского конвейера первые «Жигули». Но они не сразу заполнили все города, а по дизайну явно уступали тогдашним главным украшениям улиц — «Волгам» и «Москвичам». Уже в раннем моем детстве поехали машины с принципиально новым поколением кузовов — не горбатых и не излишне скругленных, а изящно выпрямленных: «Москвич-408», «Москвич-412», и, конечно, «Волга» ГАЗ-24.

В 1966 году ГАЗ-24 пришел на смену 21-й «Волге», которая, однако, еще далеко не сдала свои внешние позиции. Новая «Волга» мне очень нравилась спереди. Но ее задок казался длинным и слишком тупым в сравнении с двумя задними, настоящему крылатыми прелестями старой «Волги» по бокам. «Улыбались» старая и новая тоже по-особенному своими хромированными передними решетками. У старой улыбка зазывающе широкая, изогнутая до полного удовольствия. Улыбку решетки продолжали длинные цветные, будто накрашенные оранжевой помадой, подфарники, а над ними сияли такие выразительные глаза! Новая, стиснутая в стандарты более прямых углов, улыбалась в меру дружески и привлекательно, словно машина была большей скромницей, не сразу готовой выполнить все желания...

На самом деле новая «Волга» выполняла желания куда лучше. Чего только стоил ее багажник, куда можно было аккуратно засунуть не самый большой... холодильник! «Смотрите, какой у нее багажник», — хвалился любой водитель в начале 1970-х. Да, я тоже убедился в подобных волговских достоинствах много лет спустя, когда мне пришлось перевозить вещи на дачу на 24-й модели. И салон просторный, и обзор из салона замечательный (а у 21-й ущербный). Конечно, конструкторы отпустили машине такие габариты не только ради служебных удовольствий советских начальников. Модель ГАЗ-2401 идеально подходила для такси. И салатовые «Волги» с шашечками хорошо и надолго вписались в пейзаж привокзальной площади у станции Воронеж-1.

А знаете, что «пробки» уже случались в Воронеже и в мои детские годы? Точнее, они прекратились как раз к началу 1970-х, когда для города построили шикарную (по тем временам) окружную дорогу. Раньше, в 1960-е, все грузовики шли транзитом через город, и в особенности через Кольцовскую улицу со стороны Чернавского моста. Вот я и просил бабушку Дусю оставлять меня одного на Кольцов-

ской, пока она ходила по магазинам. И готов был часами смотреть на длинную вереницу ЗИСов, ЗИЛов и ГАЗов, тянувшуюся от светофорного перекрестка с Плехановской улицей на два — три квартала — до Комиссаржевской. И бабушка с трудом отрывала меня от этого занятия. Особенно впечатляющими были «старые ЗИЛы», точнее, грузовики ЗИС-130 и ЗИЛ-164 (предшественники ЗИЛа-130) — основная рабочая сила страны. На их базе выпускали самосвалы, «фургоны», тягачи, даже автобусы. Грузовики, невзирая на свою устарелость, очень здорово рычали, тряслись от содроганий поршней и дергались с места, вздрагивая громадными крыльями, словно фантастическими ресницами сильно выпуклых, крайне настороженных фарных глаз.

В их дизайне было что-то необъяснимо завораживающее. Они воспринимались как исторические гиганты, связующие тайны поколений, человеческих идей и чувств, технических достижений и бытовых катаклизмов. Они были воистину одушевленные — сами пусть не люди, но беззлобно рычащие, навсегда закованные в латы ископаемые чудища.

Иногда грузовик не заводился, замерев на перекрестке, и тогда начиналось новое зрелище. Хозяин машины, напрягая все силы, пытался вернуть ее к жизни, дергая-вращая рукоятку. Изношенная машина не сразу отвечала довольным рычанием. Наконец, она заводилась, истекая моторным маслом на асфальт. Да, двигатели подтекали у всех грузовиков, так что по всей Кольцовской тянулись масляные пятна.

Но случалось худшее: в жару мощное, но немного болезненное существо превращалось в дракона, извергающего пар. Закипала вода в двигателе, он не выдерживал стояния в совершенно непривычной для него «пробке». Водитель по-военному выбегал с ведром в поисках холодной воды — и в незнакомом городе очень кстати рядом стоял 6-летний мальчик на тротуаре.

— Колонка вон там, сразу за углом, — я показывал на одноэтажное начало улицы Желябова (потом на этом месте выстроили девятиэтажку с магазином «Электроника»).

Мне всегда казалось, что дизайн ЗИЛов удачнее, чем ГАЗов. Вот мы с Наташей Рычковой ждем, когда к нашему хлебному подъедет грузовик с фургоном «Хлеб» на базе ГАЗ-53. По тем временам — новейший дизайн передка. Подфарники, вопреки их названию, — вмонтировали над фарами. Какое-то жуткое выражение «лица» получилось, словно на лоб полезли глаза, удивленные до безумия. Однако это типичная машина, которая быстро развозила свежее испеченный хлеб из заводских цехов.

Это сейчас машины — сплошная гудящая масса близнецов. Тогда каждая марка вдобавок к сугубо индивидуальной внешности имела и свой ярко выраженный голос. Я демонстрировал бабушкам, как можно отличить все марки — и легковые, и грузовые — только по шуму мотора, с закрытыми глазами или издалека, когда подъезжавшую машину еще совсем не видно. Бабушки приходили в восторг и демонстрировали мои способности подругам. Но дело, конечно, не во мне. Наверно, и другие мальчишки так же легко распознавали немногочисленные машины?

Автомобиль — друг природы?

У меня до десяти лет была самая любимая домашняя игра в одиночку — катание машинок на полу. Из-за игрушечных машинок я не мог спокойно проходить мимо магазина «Буратино», который размещался на проспекте Революции, на другой стороне от ЦУМа. Каждый раз тянул туда родителей, зная, что в продажу наверняка поступили какие-нибудь новые самосвалы или, что я любил больше, легковушки. Однако папа нередко отказывался покупать, объясняя, что его зар-

плата в 120 рублей не позволяет так часто баловать сына. Немалая цена (не копейки, а рубли) была начертана на ценниках возле больших грузовиков — металлических самосвалов, подъемных кранов или тягачей с фургонами. Я капризничал и иногда даже плакал, но отец не поддавался.

Зато с каким удовольствием я разъезжал на своем «автопарке» в квартире по полу, устраивая дороги из книг и кубиков, расставляя игрушечные дорожные знаки, устраивая аварии и штрафуя водителей! Для такой игры маленькие машины подошли лучше. С 1960-х годов началась эра пластмассовых игрушек, и очень симпатично выглядели «Москвичи» и «Волги», если из пластика были выштампованы все их детали. Мне всегда нравилось, если машинка похожа на реальную марку. До сих пор удивляюсь: для кого создают поделки в виде неких абстрактных, нарочито детских машинок? Жаль, что в моем детстве не было таких, как теперь, — целых серий точных уменьшенных копий настоящих машин.

Хорошо знал, что происходит на реальных воронежских дорогах. Ведь с четырех лет ездил на всамделишном «Москвиче-408», который купил отец! Восседал непременно на переднем сиденье, рядом с папой. Тогда и детям позволялось сидеть там безо всяких ремней безопасности.

Настоящие машины стоили колоссальных по тем временам денег. Рядовому жителю СССР автомобиль был совершенно не по карману. Но пусть меня простят все, кто сегодня не хочет оторвать руки от руля и колесит от дома до работы и по магазинам: для нормальной жизни городов требуется то количество машин, какое было в Советском Союзе, а не то, при котором человек попадает в плен к бензиновым монстрам и жизнь его парализована и отравлена.

Если не считать немногочисленных проходимцев наподобие антигероев из культового фильма «Берегись автомобиля», средствами для покупки машины располагал только тот, кто имел какие-либо заслуги перед обществом. Либо начальство (чей тяжелый высокопрофессиональный труд оплачивался адекватно), либо наиболее выдающиеся представители творческих профессий. Но и этого было недостаточно для приобретения автомобиля. Надо было самому любить превращаться в шофера. Хорошее слово «автолюбитель» в полной мере отражало сущность такого человека. Считалось, что он добровольно взваливает на себя столь большую ответственность — уметь водить, никому не причиняя вреда, и уметь выносить технические хлопоты. Автосервис тогда развивался слабо. Поэтому автолюбительство было делом мужчин или же тех женщин, мужья которых сами лежали под машинами, снимали и перебирали агрегаты.

В нашем дворе, как и везде, дорожки столь бесценными машинами. Как правило, брали их из гаражей, чтобы совершить поездку в выходные дни. Лишь в летние субботы и воскресенья во дворе стояли три-четыре машины. Они были все наперечет. Возле старого дома часто видели зеленую «Победу» Славиного отца. «Победа» считалась солидной редкостью. Тяжеловесная машина смахивала на броневик, ею было трудно управлять. Дети понимали: папа Шевелюхина может ездить на такой машине потому, что он работает шофером!

Наш «Москвич» выпуска августа 1966 года стоил 4 100 рублей. Почему у папы появились такие деньги? Потому что он пробыл в длительной командировке во Франции. Его послал туда родной Воронежский завод радиодеталей. ВЗР делал детали для всей страны, для ее радиоприемников и телевизоров. Вскоре в Европе знаменитой продукцией нашего завода станут конденсаторы. И отец сполна участвовал в конденсаторной эпопее. В 1966-м ему в должности заместителя главного механика ВЗР доверили участвовать в ответственной миссии: изучить, освоить и закупить для Воронежа французское оборудование.

Вначале планировалась трехмесячная командировка. Отец подсчитал, что зарплаты, которую ему выплатят, хватит на покупку дорогой шубы для мамы. И мы

с мамой уже ждали папу, а мама ждала не только папу, но и шубу, однако... Командировку продлили до шести месяцев. И однажды, распечатав очередное письмо от папы, мама сообщает мне неожиданную новость. Отец решает собирать сертификаты на машину вместо шубы — глядишь, и хватит...

За полгода сумма действительно набегает, и появляются два варианта. Либо купить один «Москвич-408», либо горбатый «Запорожец» с мебельным гарнитуром. Папа справедливо не внимает совету нескольких родственников, склоняющих его ко второму варианту, и выбирает первый. Разве сравнить новый «Москвич», которым тогда все восхищались, с карликовым «Запорожцем»?

Тридцать лет машина ездил без капитального ремонта двигателя или ходовой части. Никаких серьезных поломок вообще не было за всю его историю. Папа всегда берег двигатель: тщательно прогревал его, а в дороге боялся резко газовать. Недаром отец отвечал на заводе за механику — за все станки.

Да и мы все относились к машине, словно к женщине. Так и говорили всегда: «машина», а не «Москвич»...

Зимой наша машина стояла в гараже, а летом ее водили и папа, и мама. Мы каждые выходные отправлялись в путешествие по пригородным лесам — за грибами, земляникой, малиной, колокольчиками, ромашками, душицей, зверобоем или просто «за запахом». Лесные впечатления — одни из самых ярких в детстве!

Плохо, если творится нашествие машин на лес. Хорошо, если машин было мало и за рулем сидели автолюбители, сполна понимавшие отношения человека и природы. Понимание наступало в силу тех же знаний и умений, которые позволяли приобрести машины. А рука не поднималась, чтобы выбросить пакет или бутылку в окно, даже у невоспитанного пассажира, если он не видел в лесу ни одной мусоринки. Да и пластиковой посуды, которая теперь засорила всю Землю, в те годы не было.

И папа променял хождения за подснежниками на Лысую гору на автостранствия по Усманскому бору, где для машины было настоящее раздолье и где росли, как теперь кажется, непроходимые заросли грибов!

Пишу не просто свои слова сожаления — это всеобщая экологическая трагедия, которая в будущем может обернуться настоящей катастрофой: природа по-

степенно, но неуклонно обезвоживается. Падает уровень грунтовых вод, мелеют речки, пересыхают ручьи, озера и болота — значит, и грибов все меньше, если не от года к году, то от десятилетия к десятилетию. А в раннем детстве лес стоял наполненным водой — и грибов было просто море.

В шесть лет я жил с родителями на новой турбазе «Березка» под Рамонью, и за грибами отправлялись каждый божий день. И каждый из нас набирал по несколько ведер белых, подберезовиков, подосиновиков, маслят, черных и белых груздей — засыпали ими багажник «Москвича» под завязку!

Разумеется, нас всегда тянуло подальше — где заросли грибов, ягод и трав ошеломительные, нетоптанные, некошеные. Грибы-великаны. Душица и зверобой по пояс. Да и невиданные никогда, не обозначенные на карте озера. Увы, там и дороги могли быть соответствующие. Наперерез падали огромные стволы, и в чащобах их убирали, конечно, не в день падения. Или, наоборот, грузовики, возившие лес, сильно портили просеки и стихийные кривые проезды. То и дело — глубокие песчаные или черные склизлые колеи. Много воды — значит, чудовищные непролазные лужи, а то и трясины. Вот и выливалась каждая поездка в увлекательное блукание почти по бездорожью. Машина обязательно застревала в песке, буксовала в болоте, цеплялась пузом за пенек. Ее вызволение тоже стало нашей традиционной церемонией. Папа вцеплялся в руль, а мы вдвоем с мамой или вторым с дядей Колей, а иногда вчетвером с бабой Дусей толкали и раскачивали «Москвич». В самых каверзных случаях отец выкапывал горы грунта саперной лопаткой или, скорчившись под машиной в три погибели, подпиливал простенькой ножовкой злосчастный пенек.

Собственно, «Москвич» только в лесах и изнашивался.

В середине семидесятых устали от блуканий и стали ездить только на болота, которые непрерывными цепями и кольцами разбросаны за Маклоком. Однако разнообразили маршруты поездками по новой асфальтовой Острогужской дороге. Нашли себе любимый уголок в окрестностях села Устье. То был небольшой овальный лесок, какой-то лесной островок среди полей. И по краям леса — луга с неистовыми зарослями крупных колокольчиков и ромашек! Обрадованные родители рвали цветы (без корней), как когда-то грибы под Рамонью — даже не букетами, а громадными охапками, пока те не упихивались и в багажник, и в салон машины. Дома расставляли ромашки и колокольчики по столам и шкафам, во все вазы и вазочки. Очевидно, это было уже излишество, неласковое отношение к природе. Но, с другой стороны, если мы вовремя не успевали сорвать цветы, их скашивали сельские жители вместе с травой.

Как-то раз вместе с жителями Устья или другого села мы спасали этот лесок от пожара. Долго топтали огонь ногами, хлестали его сорванными ветками, чтобы он не поднялся вверх и утих. Как тут не вспомнить о том, что прошлые автотуристы вообще приносили посильную пользу лесам? Они подбирали хворост, рубили на дрова небольшие сухие деревья.

В 1971-м, кажется, году в Воронеж приезжала из Австралии дальняя родственница по линии бабушки Дуси. Женщина лет сорока. Ее судьба драматична. В 1942 году фашисты выгнали из Воронежа ее с матерью, как и тысячи других горожан, как и семью моей бабы Дуси. Но бабушка вместе с детьми сумела убежать из распределительного лагеря, пробраться ночью в родное село Стадница, и там они пережили оккупацию. А родственница попала в Германию вместе с другими выгнанными и свезенными на принудительные работы. Потом девушкой вышла замуж и переехала в Австралию. В СССР и в родной город попала впервые после изгнания и заграничной жизни. Конечно же, Шурик — так моего отца звала вся родня — повез ее в лес к ромашкам и колокольчикам! Не все желающие поместились в машину, но меня папа, разумеется, взял.

Она осталась на фотоснимках с большим букетом и безмерно счастливым лицом. Отлично помню не только ее восторг, но и удивление. Она была поражена тем, насколько доступен нашим обычным семьям загородный отдых и насколько доступны всем горожанам окружающие леса. В окрестностях ее австралийского города все въезды в леса и на поля были перегорожены: частная собственность.

Вот когда мне загорелось узнать, что скажет о том, где лучше жить — у нас или за рубежом, — мой папа? Человек, который прожил во Франции целых полгода? Отец с восторгом рассказывал о Лувре или Монблане, но о несоциалистической заграничной жизни судил вовсе не по развлекательным путешествиям. Я его спросил о жизни лишь один раз, потому что второго не потребовалось. И тогда папа дал ответ, который я запомнил на всю жизнь. Он сказал: «Конечно, у них хуже. У нас люди живут сообща, а у них каждый предоставлен самому себе!..»

«Москвич» проездил более сорока лет и оставался бы на ходу до сих пор, если бы не льдины, которые лет десять назад сорвались с крыши моего воронежского дома. Крышу машины вмяло почти в пол. И вот что интересно: там, где ее не побили, родная небесно-голубая эмаль «Москвича» не только сохранилась, но даже и не тронулась коррозией с того дня 1966 года, когда машина сошла с конвейера МЗМА.

Да, цвет не «голубой», а именно «небесно-голубой» — написано в техническом паспорте. Кто-то старался обозначить название как можно точнее. Папа сразу выбрал такой цвет в магазине «Березка» из двух вариантов: небесно-голубой либо белый. Очень многие «Москвичи-408» красили в цвет неба. Наверно, понимали, что это цвет счастья, радости, спокойствия. Цвет машины — словно символ детских лет.

Впрочем, всю раскраску детства разве обозначишь точь-в-точь?

Вот так и реальные, необразные чувства детства не передать обычными словами, сколько их ни подбирай, сколько книг не пиши. Зато я точно знаю, что самое лучшее в жизни чувство посещало меня в шесть — десять лет, когда мы возвращались на «Москвиче» в город после лесных путешествий! Когда подъезжали к Чернавскому мосту по дамбе, и моментально открывалась широкая панорама нашего Воронежа! Дух захватывало и от умопомрачительной красоты холмов с церквями и башнями, и от молниеносного предчувствия, что в таком упоительном граде я вернусь в желанный двор, в любимую квартиру, к обожаемым занятиям и увлечениям!

Похоже, все слова для передачи такого чувства давно исчерпаны. В 1960-х годах Николай Носов так и не смог подобрать названия, когда описывал возвращение Незнайки на Землю: *«И Незнайке казалось, будто какое-то огромное-преогромное чувство переполняет его грудь. Он не знал, как называется это чувство, но знал, что оно хорошее и что лучше его на свете нет. Он прижимался грудью к земле...»*

Куда уходит детство?

В седьмом классе я ходил в школу в первую смену. Как обычно, проснулся по папиному зову:

— Сыно-о-к! Вставай! Семь часов!

— Сынок, вставай! Уже пять минут восьмого!

— Я успею, если встану в десять минут! — пытаюсь продлить каждую минуту сна и, наконец, бегу на кухню. Иначе вбегу в школу не по звонку. Опоздаю на столько минут, сколько проспю после семи — десяти.

Батарей топят жарко. В одних трусах сажусь за столик, где на маленькой чу-

гнуной сковородочке уже клокочет яичница, которую сварганил отец. Оторвавшись от плиты, папа тут же в темпе готовит мне «месиво», как мы его зовем. Его новое фирменное блюдо. В пачку творога папа добавляет несколько столовых ложек молока, несколько чайных — сахара и кусок сливочного масла и все это быстро месит. Вкусно и сытно. И уютно, пока «Маяк» не проиграет очередные ноты «Не слышны в саду...» — в знак коварного времени, половины восьмого.

В голове роятся мысли о предстоящем школьном дне. Очередные приставания Галины с ее классными часами. Строгий кашель Александры с ее грозными самостоятельными... Значительные улыбки одноклассников: кому засунут за шиворот очередную бумажку — Медведевой или Беляевой?..

Мысли под аккомпанемент Воронежского радио с его краткой музыкальной программой по заявкам слушателей. Тогда многие писали письма на радио.

«Мама и папа уходят из дома рано, и я остаюсь одна, — привычная воронежская дикторша вдруг зачитывает письмо девочки Иры. — Я учусь в седьмом классе, но сейчас болею. Мне одной очень грустно. Поставьте мне какую-нибудь хорошую песню...»

И наше радио почему-то решило: если уж девочке грустно — песня подойдет такая же грустная!

«Куда уходит детство, в какие города... — поет новую песню Алла Пугачева (тогда еще молодым голосом).

— А у тебя детство не уходит? — спросил вдруг меня папа. Как бы пошутил, но шутка не удалась.

Действительно, где случилась грань между детством и юностью?

Окончание школы, учеба в университете (сначала на физическом факультете) — разумеется, юность. Но в ней еще уцелело много детского. Та же учеба на полдня. И та же свобода на остальное время. У меня стало увлечений еще больше, чем в детстве. И я уделял им уйму времени.

Почти перестал рисовать. Но много бродил по городу с фотоаппаратом. Начал посещать фотоклуб «Экспресс» в «Карлуше». И еще крепче увлекся образом старого Воронежа. Сфотографировал — без преувеличения — абсолютно все старинные дома, которые в то время оставались в Воронеже, включая закоулки. После составления списков бывших названий улиц, церквей, магазинов и прочего попробовал себя как краевед. Сделал краеведческий слайд-фильм об улице Карла Маркса. Познакомился с профессором Владимиром Загоровским и выступил на краеведческих чтениях исторического факультета. У Владимира Павловича была улыбка шире рта. Мол, смотрите, как удачно физик завлечен в историки! Под влиянием профессора стал посетителем областного архива — впервые заказал для изучения документы.

Регулярно навещал дедов участок на Ближних Садах и ухаживал за яблонями. После конечной остановки пятого автобуса двадцать минут шел до сада через степь и поле. И двадцать — обратно. Это были превосходные прогулки в одиночестве... Посещал студенческие тусовки. Ходил на футбол, на матчи «Факела». Чаше даже не сидел на трибуне, а бродил по краям поля и стоял у ворот как внештатный корреспондент газеты «Молодой коммунар».

Продолжал ходить в кино...

Так куда же все-таки ушло детство? «...Наверно, в край чудесный, где каждый день кино». В этих словах поэта-песенника, по-моему, есть доля правды о нашей студенческой юности. Кино мы любили.

Старшеклассником и студентом по-прежнему я смотрел фильмы по пятому каналу ТВ. Пусть не каждый день, но через день. И довольно часто, как и мои друзья, бывал в кинотеатрах. Продлевал детский образ жизни. Старался не пропускать ни одного значимого фильма, будь то советская комедия или американс-

Модницы-
восьмиклассницы

кая приключенческая лента. Или наш первый, как сейчас говорят, фильм-катастрофа «Экипаж» с элементами эротики. Все значимые премьеры были в «Пролетарии».

Временами водил студенток в «Пролетку», выбирая немрачные фильмы. Часто после лекций мы ходили туда же небольшими дружными студенческими компаниями: Оля Жданова, Ира Морщак, Толик Новиков, Саша Гайдин...

Тогда наш кинематограф начал делать небывалые эксперименты. Выпустили полузапрещенный сатирический фильм Рязанова «Гараж». Но показали его в «Пролетке», кажется, единственный раз.

Зато «Сталкер» по мотивам эпизодов «Пикника на обочине» — повести Стругацких — шел свободно, с утра до вечера, недели две подряд. Навсегда запомнил, как люди жалели время, потраченное на «Сталкер». Понять, что творится на экране, не прочитав «Пикник...» заранее, было невозможно. От фантастики все ждали захватывающего сюжета, динамичного развития событий. А тут — аж две серии герои фильма идут-бредут, идут-бредут бесконечно среди каких-то техногенных руин и не могут достичь цели, утолить желания...

Мы-то считали себя передовыми молодыми людьми и решили досмотреть до конца обе заунывные серии. Однако публика демонстративно покидала зал уже во время первой серии. Мужики бурчали под нос ненормативные слова. Какая-то тетка прямо-таки швырнула билетерше билет, купленный после часового стояния в очереди. Мол, предупреждали же меня... А к концу второй серии в тысячном, сначала битком набившемся, большом зале «Пролетария» осталось всего лишь человек пять (помимо нас).

Да, авторы творили явно не в расчете на массы. А ведь идеи повести на излете нашего детства-юношества, на излете всей страны были актуальны, как никогда. Они — о смысле жизни. Кто-то хочет заработать, охотясь в запретной зоне на артефакты и торгуя ими. Однако в книге выживают идеи того, кто заказал «счастье для всех даром»!

Честь и хвала провидцам. Вольно или невольно получился намек на всех заблудившихся. Сколько не идешь — все равно не поймешь, что скоро вокруг тебя останутся руины. Остатки станков и рельсов от заводов, построенных отцами.

Архитектурные памятники-развалины прадедовских сельских дворянских усадеб, освобожденных от школ, больниц и клубов...

Вот и поныне увлекаются сплошными руинами многие мои друзья по интернету. Выставляют и перевыставляют фото старых покосившихся стен, наличников, заборов, замшелых подвалов, выщербленных мостовых, заржавевших трамваев, романтических автомобильных кладбищ и прочего, и прочего... Это, конечно, очень здорово. Этого не было в моем детстве. Но, друзья, где же наше будущее?

Детство кончилось очень резко, больно и окончательно, когда я вышел на работу. Политех, Девятый километр, куда больше часа везет ЛИАЗ номер 14. В 30-градусные морозы, которые бьют именно в тот 1984 год. Спасибо, что пассажиры жмутся друг к другу теснее, чем сельди в бочке... Главное, что ты на работе — все восемь часов. И даже девять: в перерыв отсюда никуда не успеть. Дорога к центру города отрезана. От зари до зари только сидишь и изобретаешь цифровой фильтр. На заре всеобщей цифровизации. Даже руководитель сей научной работы не может разобратся, как должен быть устроен фильтр. Даже через год после начала хождения. Потому-то он методично устраивает совещания после каждого обеденного перерыва. Чтобы ты, наконец, что-нибудь высказал ему умное. Но умным он считает тебя напрасно. После обеда тебя, усталого, жутко тянет в сон. То и дело щиплешь себя за ногу, чтобы не отрубиться прямо на совещании.

Обратная дорога домой — опять не меньше часа. Какой там телевизор, если вставать в шесть утра?

Отныне не может быть и речи, чтобы ты рисовал, фотографировал и писал. Даже разок сходить в исторический архив тебе больше не дадут. А ведь у тебя столько замыслов...

Вот когда я по-настоящему понял, почему в моем детстве родители так стремились на природу. Хотя бы раз в неделю получить отдушину от работы!

Вот когда я осознал, почему маме не удастся вовремя убрать единственную комнату. Почему папу надо много дней просить, чтобы он проявил мне, десятилетнему, мою фотопленку с изображениями «Волг», «Москвичей» и «Запорожцев». Куда ему, бедному, после восьми часов работы не в тихой научной лаборатории, а в гремящих цехах, да на ответственной должности! Безусловно, пленка подождет. А в оставшийся вечерний час одна радость, одно спасение — бутылка «Жигулевского» из 41-го магазина...

Не подумайте лишнего. Я счастлив, что впоследствии работал на самых интересных работах, которые только могли быть в жизни. В качестве сотрудника истфака выискивал памятники истории по всей Воронежской области. Больше двадцати лет писал и редактировал в газете «Воронежский курьер», которую выпускали городские и областные власти. Хотя бы самую малость, но успел побыть замом по науке в областных музеях. А сейчас преподаю историю архитектуры и градостроительства в вузе — что может быть интереснее?

Тем не менее, рубеж между детством и взрослостью отпечатался на всю оставшуюся жизнь.

Как его преодолеют наши дети, внуки?

Сужу больше по своим студентам: сегодня это молодые люди очень понимающие жизнь. Может быть, их поколение доживет (скажем, в старости) до следующего поворота истории, но не выберет дорог ни к руинам, ни к культуре богатства. Обойдет разрушительные «зоны», в которые мы когда-то бросались очертя голову...

В день сдачи этого журнала в печать, в типографию, я опять наслаждаюсь силуэтом Воронежа — как он виден с Чернавского моста. Мост новый, а его имя, его облик, образ мы, воронежцы, уберегли. И пусть нескладные небоскребы загораживают луковки церковных куполов. Церкви-то мы спасли. И паутину улочек-закоулочков вокруг церквей — тоже. Или это сами нерукотворные, не руками сотворенные холмы не отдали Времени эти храмы и закоулки?

Пытаюсь включить в Машине Времени то самое детское волшебное чувство, которое охватывало меня при возвращении из лесных путешествий в город... при въезде на мост!

Нет, не всегда получается. Для доброго чувства и мысли должны остаться только хорошие... Типа, у нас все хорошо... Черт с ними, с небоскребами, пусть остаются для заповедника Солнечного города!

Пусть мне опять десять лет... Пусть, в конце концов, не мне десять, а тем ребятам, которые станут на мое место через тысячелетие...

Получилось!

И показалось вдруг, что для описания того неповторимого чувства все же найдется кое-какие слова.

Дух воистину захватывает, до невероятно приятных волн по всем телу. Они поднимаются даже не из сердца, а из всех глубинных клеточек сразу, работающих сильно и энергично. Это захватывает все твоё настроение и формирует твой настрой на жизнь. Невидимые волны переполняют тебя всего и сливаются с золотистым солнцем, с голубым небом, с тонко пахнущими небесно-голубыми подснежниками и пряными карими засохшими листьями прошлой осени, с древними мудрыми холмами, кренящимися к живительной воде ненавязчиво, ласково, весело, сверкая сутулыми куполами и великанскими башнями. Я снова заодно со всем добрым миром, с нашим неповторимым, единственным и обычным, скромным городом, со всеми воронежцами — ради того, чтобы играть в прятки и планетоходы, растить космеи и фиалки, учиться правильно рисовать палочки и кружочки, крепко и нежно обнимать подружек на стереосеансах, безопасно водить самоезды и метробусы, безошибочно изобретать нецифровые фильтры счастья, реставрировать памятники-подлинники, восстанавливать руины отцовских заводов и извлекать камни из подземелий, обращая их в стены светлых дворцов...

Шумят и шумят волны счастья, и их гребни никогда не гасят озорной огонек в глазах и довольную улыбку, открытую удовлетворенным девочкам, девушкам и женщинам; бабушкам, матерям и внукам.

Все оптимистичное — и за спиной, и далеко впереди, оно от тебя не уходит, остается, опять и опять бьет ключами, втекая под Чернавский мост. И ты снова предвкушаешь встречу с желанным двором и любимой квартирой. И мечтаешь работать сразу на пяти лучших работах, по одному часу в день — на каждой.

Сможешь обязательно, если очень веришь и очень хочешь. Воронежскую Машину Времени — не догонишь. А доброе детство всегда с нами — детьми и взрослыми.

